

one przejście od stanu początkowego do końcowego), 3) warstwy elementów gęstości (stanowiących „moduł”, niezmiennik akcji, kumulowanych w jej toku). Holloway dochodzi do wniosku, że ten typ prozy rezygnuje lub tylko szczątkowo wprowadza zależności między jednostkami progresywnymi, przenosząc punkt ciężkości na elementy gęstości, które koncentrują się wokół pewnych ogólnych koncepcji lansowanych przez pisarza. Poglębiają one i wzmacniają główną ideę opowiadania oraz umożliwiają polaryzację przeciwstawnych idei. Całe ustrukturuwanie opowiadania opiera się na zagęszczaniu i komplikowaniu tych elementów. Holloway uznaje, że wprowadzenie proponowanych przez niego kategorii pozwoli w skuteczny sposób analizować metody przedstawiania typowe dla opowiadań problemowych.

Esej piąty podejmuje zagadnienie związków między strukturą narracji (rozumianą jako układ wzajemnych zależności między poszczególnymi sekwencjami zdarzeń narracji tworzącymi jej podukłady) a strukturą tekstu. Za pomocą diagramów Holloway bada, w jaki sposób splatane są ze sobą pojedyncze sekwencje zdarzeń i wyodrębnia cały szereg operacji i zabiegów transformacyjnych służących zintegrowaniu struktury narracji. Ostateczny tekst można traktować jako rezultat zespołu przekształceń dokonywanych na materiale wyjściowym (zapisanym w formie prostej sumy sekwencji zdarzeń), takich jak „zanurzanie” (*embedding*), nazywanie, wprowadzanie tła i czasu akcji, transformacje gatunkowe, manipulowanie dystansu itp. W ten sposób struktura narracji, kształtowana dzięki zabiegom „kauzalizacji”, determinuje szczegół, a dalej całą strukturę tekstu. Materiału do powyższych rozważań dostarczają Hollowayowi dwie powieści: *A Meeting by the River* Ch. Isherwooda oraz *The Prime of Miss Jean Brodie* M. Spark.

Zbiór 5 esejów zamknięty jest rozdziałem, który traktuje — w formie wniosków do dyskusji — o podstawowych zadaniach stojących przed krytykiem posługującym się analizą strukturalną. Holloway widzi możliwość nobilitowania jej jako twórczej metody interpretacyjnej, jednocześnie rzuca wiele trafnych ostrzeżeń pod adresem tych, którzy dążą do zbyt uproszczeń i mechanicznych rozwiązań. Podobne spostrzeżenia zawiera dołączony Appendix 1, w którym autor prezentuje przy-

kłady zastosowania lingwistycznej koncepcji transformacji do analizy utworów poetyckich. Appendix 2 stanowi zapis bardzo ciekawego wykładu poświęconego badaniom literackich walorów przemówień politycznych.

Mimo tego, że każdy z rozdziałów książki stanowi odrębną całość, łączy je wspólna metoda analizy i przewijająca się stale refleksja matematyczna. Wprowadzenie matematyki jest próbą obiektywizacji krytyki literackiej — nie zawsze wolną od arbitralności. Liczne zamieszczone diagramy i tablice zwiększają co prawda czytelność wyводу, jednakże często wydaje się on zbyt sformalizowany. Interesujące natomiast jest dążenie autora do tego, aby teorię literatury i krytykę literacką traktować łącznie, nie zaś jako oddzielne dyscypliny. Prezentowane analizy indywidualnych utworów wyrastają jakby z kompromisu pomiędzy angielską tradycją *close reading* a scjentystycznymi metodami strukturalistycznymi, co pozwala wysunąć zarzut a-histerycznego podejścia do literatury. Jakkolwiek książka Holloway'a może stanowić propozycję dyskusyjną, jest niezaprzeczalnie cennym przykładem zdyscyplinowania postępowania badawczego.

Ewa Chrzanowska-Karpińska, Wrocław

В. П. Рагойша, ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА С БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ. Белорусско-русско-украинский поэтический взаимоперевод. Издательство БГУ им. В. И. Ленина, Минск 1980, стр. 183.

Давно уже стало крылатым выражение Эдмона Кари „мы живем в век перевода”. В нем афористически отражено огромное и все возрастающее значение этого важнейшего средства общения между народами.

Роль перевода в развитии человечества определяет и значение относительно молодой филологической науки — переводоведения. Ее достижения несомненны, особенно в области теории. Фундаментальные теоретические работы, появившиеся за последние десятилетия, заложили прочные основы дальнейшего развития науки о переводе. Их авторы стремились к раскрытию общих закономерностей, относящихся ко многим языкам.

Однако подавляющее большинство этих работ построено на материале языков средней близости — таких, как русский, английский, немецкий, французский и т.п. — без достаточного учета, с одной стороны, языков разноразличных, с другой — близкородственных. Если же такие работы и строятся на материале далеких (разноразличных) или близких (близкородственных) языков, тогда они, как правило, относятся к двум типам. Первый из них — это книги, относящиеся к практике перевода — как, например, работа украинского переводчика под таким именно заглавием: *Практика перевода*<sup>1</sup>. Второй тип охватывает работы, которые формулируют положения, не выходящие за рамки общей теории перевода. А ведь можно предположить, что степень близости сопоставляемых языков не остается без влияния на сугубо теоретические проблемы перевода. Приходится, однако, констатировать, что этот принципиально существенный вопрос теоретиками — почти всеми теоретиками! — оставался без внимания; более того — иногда отрицалось само его существование!<sup>2</sup>

Есть еще один, немного парадоксальный аспект рассматриваемой проблемы. Дело в том, что заметившие ее практики давно пришли к выводу, что перевод с близких языков труднее, чем перевод с языков далеких. Такое мнение настоятельно — согласно этому утверждению японский переводчик с польского преодолевает меньше трудностей, чем его русский коллега, переводящий с польского на свой родной язык! А ведь первый из них с полным правом называет свою работу переводом „с горизонтального на вертикальное“, символически подчеркивая мысль о вписывании переводимого содержания в совершенно иное культурное измерение<sup>3</sup>.

В этой связи становится понятным интерес к исследованиям, стремящимся теоретически осмыслить *Проблемы перевода с близкородственных языков*. А так именно озаглавлена книга, являющаяся предметом настоящей рецензии. Ее автор, минчанин Вячеслав Петрович Рагойша, уточнил эти проблемы в подзаголовке: *Белорусско-русско-украинский поэтический взаимоперевод*.

Такое название монографии довольно четко определяет предмет исследования, которое относится к переводной поэзии „восточных славян, народов, близких и по историческому прошлому, и по сегодняшнему общественно-политическому, социально-экономическому, культурному и бытовому укладу жизни“ (стр. 12). С другой стороны, выражение *проблемы перевода* позволяет уложить в это понятие не только теоретические вопросы, специфичные для языков близкородственных, в частности, восточнославянских, но и проблемы общетеоретические, а иногда — по собственному признанию автора — и связанные „с практикой перевода“ (стр. 41). Следует, однако, сразу отметить, что основную часть книги образует первая группа: теоретические вопросы, специфичные для языков близкородственных — и в этом, прежде всего, заключена ценность и оригинальность монографии.

Исследование В. Рагойши состоит из восьми глав. В первой из них — *Актуальная задача теории перевода* — дается обоснование темы и содержания книги — обоснование, совпадающее, в основном, с мнением автора настоящей рецензии (изложенном в ее вступительной части).

Вторая часть рассматривает *Функции художественного перевода* с точки зрения близкородственных языков. Автор высказывает мнение, что главные функции перевода — ознакомительная и художественная — не имеют существенного значения в переводах с близкородственных языков. С таким утверждением трудно согласиться. Может быть, оно и верно для белорусско-русского перевода в самой Белоруссии, может, в какой-то мере, убедительно и по отношению ко всему восточнославянскому взаимопереводу; однако достаточно обратиться к соотношению между такими (близкородственными!) языками, как польский

<sup>1</sup> С. Ковганюк, *Практика перекладу*. Київ 1968.

<sup>2</sup> Вл. Россельс, *Подспоря и преграды*. (Заметки о переводе с близкого языка), [в:] *Мастерство перевода*: Сборник 1962. Москва 1963, стр. 171—173.

<sup>3</sup> К. Okazaki, Казуо Yonekawa, „Literatura na świecie“ 1972 nr 3, s. 165.

и украинский, чтобы убедиться в противоположном.

Далее анализируются другие функции перевода, среди них такие, как обогащение и — в определенных условиях — формирование родной для переводчика литературы. В условиях восточно-славянского взаимоперевода, в котором участвуют два языка, „поздно обретшие право свободного литературного существования” — украинский и белорусский (стр. 27), перевод служит также мощным средством развития этих языков.

Следующая глава рассматривает *Перевод в условиях восточнославянской близости*. Автор приходит к выводу, что „продолжительная жизнь в пределах одного государства” (стр. 34) приводит к активному — русско-украинскому и русско-белорусскому — двуязычию восточнославянских народов. Такое положение обуславливает три специфические проблемы восточнославянского взаимоперевода: 1. Контроль за работой переводчика со стороны массового читателя, 2. Повышенные требования к качеству русского перевода, вытекающие из особой роли русского языка как средства межнационального и международного общения и 3. Исключительную важность правильного отбора произведений для перевода.

Много интересных наблюдений содержит обширная глава *Язык и перевод*. В ней автор останавливается на „подсперых и преградах”, выступающих в восточнославянском взаимопереводе — в основном, в переводе поэтическом (может быть, более адекватным было бы выражение „стихотворный перевод”?). Достоин внимания многостороннее и убедительное обоснование положения о большей возможности сохранения в таком переводе внешнего звучания оригинала, эквиметричности и эквиритмичности, архитектоники стихотворения, рифм и т.п. Широко и плодотворно исследуются проблемы дословности в переводе, которая по отношению к близкородственным языкам выглядит принципиально иначе, чем в языках далеких. В аспекте восточнославянского взаимоперевода рассматриваются вопросы *иноязычных заимствований* (употребление в переводе слов и выражений в их оригинальном звучании и написа-

нии), *лексического переноса* (сохранение в переводе лексем оригинала), *константных соотношений* и, наконец, *соответствий окказиональных*, т.е. всецело зависящих от художественного контекста произведения и поэтому представляющих „наибольшие возможности для раскрытия творческих способностей переводчика” (стр. 85). Сделанное в этой связи замечание о том, что иногда целесообразно оставить в переводе, вместо семантически адекватного соответствия, т.н. межъязыковой омоним, подтверждается наблюдениями и теоретическими рассуждениями автора настоящей рецензии.

Следующий раздел книги посвящен почти неизученной отрасли переводоведения — *авторскому переводу*. В. Рагойша рассматривает условия, предопределяющие возможность возникновения автоперевода, а также поводы, заставляющие писателя приступать к переводу собственных произведений. По мнению автора монографии, основной причиной создания автопереводов является „неудовлетворенность писателя (двуязычного, конечно — Z. G.) существующими переводами некоторых его произведений, отсутствием „своих” переводчиков” (стр. 94). В этой же главе обосновывается положение о специфике автопереводов как одного из видов литературно-художественного творчества и постулируется „полноправная их трактовка среди всех переводов произведений данного автора” (стр. 100). Исследователь обращает внимание на желательность использования автопереводов в работе „обычного” переводчика” (стр. 100), подчеркивает значение этого специфического вида творчества для текстологии перевода — например, его роль „в восстановлении канонического текста произведения” (стр. 103) и рассматривает ряд других вопросов. Всю эту работу он проводит на материале восточнославянского стихотворного взаимоперевода, стараясь подчеркнуть в нем специфику, характерную для языков близкородственных.

Проблема *авторизации перевода* принадлежит также к малоизученным. Она глубоко и многосторонне исследована в очередной главе, содержащей анализ текстов произведений, архивных материалов, переписки авторов оригиналов с переводчиками и издателями. Этот анализ убедительно по-

казывает, что настоящая авторизация является тяжелым и плодотворным трудом, который оставляет весьма значимый след на окончательной форме перевода. Нельзя не согласиться с автором рецензируемой книги в том, что такая авторизация является „особым видом творческого труда” (стр. 132).

*Антропонимы в переводном тексте* — таково название следующего раздела книги. В нем рассматривается сложнейшая проблема „воссоздания ономастики [...] средствами другого языка” в контексте „сохранения в переводе национального своеобразия оригинала” (стр. 137). Исследование проводится на строго ограниченном материале „личных имен, фамилий, псевдонимов деятелей литературы и искусства, прежде всего поэтов” (стр. 137). Это авторское замечание существенно, поскольку выводы, к которым он приходит, сохраняют теоретическое значение, главным образом, по отношению к именам и фамилиям реальных людей, а в меньшей мере — к антропонимам, относящимся к литературным персонажам. Выбор материала не случаен, так как именно „в передаче антропонимов с одного восточнославянского языка на другой” существует „поразительный волюнтаризм” (стр. 138). Добавим от себя, что подобный волюнтаризм встречается и в польско-восточнославянском взаимопереводе.

Краткий исторический экскурс, показывающий эволюцию способов воссоздания антропонимии в переводе, автор завершает выводом о все более последовательном проведении принципа „передачи имен и фамилий, географических названий в их национальной форме” (стр. 142, формулировка Л. Марциновича). Однако, приведенные автором примеры не оставляют сомнения в том, что в восточнославянском переводе этот всеобщий принцип нарушается сплошь и рядом.

Глава содержит ряд элементов, представляющих теоретическую ценность для изучения перевода с близкородственных языков — прежде всего, в пределах языков восточнославянских. В качестве примера назовем размышления автора над воссозданием тонких фонетических особенностей языка оригинала и замечания, касающиеся передачи „двойных” имен типа Янка-Иван

(Купала), Петрусь-Петр (Бровка) (стр. 143—144). Этот перечень можно бы продолжить.

В заключительном разделе — *Перевод одного года* — ставится вопрос о том, „какова” и „насколько [...] широка” „переводческая практика, дающая [...] необходимый материал для научных выводов” (стр. 156) в области восточнославянского взаимоперевода. Для того, чтобы показать достоинства и недостатки такого материала, автор проводит анализ состояния белорусского перевода за избранный (1976) год, выдвигая при этом ряд интересных, а иногда, и дискуссионных постулатов.

Книга заканчивается списком использованной литературы, состоящим, в основном, из работ советских авторов. Зарубежных трудов и источников гораздо меньше, среди них несколько болгарских, чешских, словацких, польских и лишь один французский. Такие пропорции довольно верно отображают действительное положение в литературе вопроса.

Итак, мы вкратце остановились на всех разделах монографии В. П. Рагойши *Проблемы перевода с близкородственных языков*. Автор книги проводил исследование на трех уровнях: экстралингвистическом, языковом и литературно-творческом (эстетическом). Такой триединый подход определили научные компетенции В. Рагойши, ибо он не только переводовед в строгом смысле слова — переводовед с отчетливо намеченным „литературоведческим” уклоном — но и теоретик литературы, автор первого белорусского *Поэтического словаря*<sup>4</sup>. Органическая причастность к науке о литературе, профессиональные занятия поэтикой позволили ему увидеть и показать вопросы перевода более интегрально, чем это обычно делалось до сих пор. Некоторые его наблюдения и обобщения можно отнести, главным образом, к проблемам общей теории (например, глава об автопереводе), однако многие из них — как указывалось в настоящей рецензии — направлены на раскрытие специфики перевода с близкородственных языков (в первую очередь — в пределах языков восточнославянских).

<sup>4</sup> В. П. Рагойша, *Паэтычны слоўнік*. Мінск 1979.

Из поставленных проблем одни исследуются многосторонне (версификация, автоперевод, авторизация перевода), в других автор устремляется, т. е. вглубь вопроса (антропонимия). В то же время, некоторые проблемы, существенные для перевода с близкородственных языков, лишь затрагиваются — например классификация т. н. „ложных друзей переводчика” (стр. 76). Это не упрек по адресу В. Рагойши: самоограничение в подобных работах необходимо. Хочется только подчеркнуть, что в книге рассматриваются вопросы перевода, избранные автором в соответствии с его интересами, компетенциями и потребностями современного этапа развития переводоведения. Содержащиеся в монографии теоретические исследования вносят заметный вклад в науку о переводе, а более практические наблюдения и постулаты автора — не теряя своего значения для исследователей — представляют прямой интерес для переводчиков художественной литературы и организаторов переводческого дела.

Zygmunt Grosbart, Łódź

Ewa Szary-Matywiecka: KSIĄŻKA — POWIEŚĆ — AUTOTEMATYZM (OD „PALUBY” DO „JEDYNIEGO WYJŚCIA”). Z Dziejów Form Artystycznych w Literaturze Polskiej [BUCH — ROMAN — AUTOTHEMATISMUS: VON „DIE SCHEUCHE” ZU „DER EINZIGE AUSWEG”. Ossolineum, Wrocław 1979, ss. 186, Seria „Z Dziejów Form Artystycznych w Literaturze Polskiej”].

Gegenstand grundlegender Analysen und Lektüren der Autorin dieser Arbeit war die laufende literarische Produktion der Jahre 1901—1936, einer Zeit, die einen besonderen Reichtum an traditionellen, als „autothematisch” bezeichneten Romanen und Erzählungen hervorgebracht hat. Die Verfasserin interpretiert Werke, welche einen ständigen Platz in der Geschichte der polnischen Literatur errangen, wie „Paluba” (Die Scheuche) von K. Irzykowski oder „Jedynie wyjście” (Der einzige Ausweg) von S.I. Witkiewicz wie auch

Werkstattromane, an welche sich nur die Literaturgeschichtler erinnern: z. B.B. Ostrowska, *Książka jutra, czyli tajemnica geniusza drukarni* (Das Buch von Morgen, oder das Geheimnis des Druckereigenies), Warszawa 1922; J. Brzękowski, *Psychoanalitk w podróży* (Der Psychoanalytiker auf Reisen), Warszawa 1929; F. Goetel, *Z dnia na dzień* (Von Tag zu Tag), Buchausgabe 1929; M. Promiński, *Prawie fachowiec* (Beinahe ein Fachmann), Buchausgabe Warszawa 1935. Die Perspektive des soziologischen Blickes auf ein in künstlerischer Hinsicht so unterschiedliches Schaffen macht es vor allem möglich, gewisse Mechanismen des Leserempfindes der genannten Bücher festzuhalten. Der autothematische Roman ist nämlich — nach Auffassung der Autorin — die Reaktion des Schriftstellers auf bestimmte Haltungen der Empfänger. Jeder vom Verfasser in der Romanfaktur angewandte formelle Kniff hat seine außerliterarische Bedingung. Der autothematische Roman muß im Lauf der Zeiten ebenso wie Geschmack und Gewohnheiten der Leser Veränderungen erfahren. Der Romaninhalt hält den ständigen Dialog zwischen Konvention und Wirklichkeit fest, wobei ein Umstand den anderen impliziert.

Die Autorin führte zwei wesentliche Modifikationen in der bisherigen Tradition der Auffassung vom Wesen des Autothematismus durch. Erstens beanstandete sie den von Artur Sandauer geschaffenen Begriff des Autothematismus. E. Szary-Matywiecka ist nämlich der Meinung, daß „das Schreiben über das Schreiben, das Schreiben über nichts”, welches Sandauer zur Grundlage des autothematischen Romans gemacht hat, eine verarmte Interpretation ist. Am Beispiel der Romane von Irzykowski, Witkiewicz, Ostrowska und anderen hat die Forscherin nachgewiesen, daß der Autothematismus des polnischen Romans der Zwischenkriegszeit den Charakter von Tatsachen und Erscheinungen aus dem Bereich der Literatursoziologie hatte und nicht nur ein autonomes, der Romanmorphologie aufgeprägtes Merkmal war. Eine solche Perspektive bezüglich des autothematischen Romans bewirkt, daß der Text des Werkes als einer bestimmten schriftstellerischen Praktik gleichbedeutend betrachtet wird, und weiter, daß er einer bestimmten Aufgabe äquivalent ist, welche die vor allem während der Schöpfung und Rezipierung des Werkes